

Шипулина Н. Б.

доцент, кандидат философских наук, кафедра философии и культурологии
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: nbship@mail.ru

**ЖЕРТВА КАК ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ
МЕТАФОРА ТИПОЛОГИИ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ
URBAN STUDIES**

*Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 16-13-3402 «Антропология вещи в культуре Волгограда:
среда, объекты, практики»*

Исследование понятия «город-жертва» в контексте социокультурной жизни современного Волгограда, локальная идентичность которого изучается в отношении реалогических феноменов городской повседневности, его вещественных объектов, сред и практик, является частью комплексного научного проекта «Антропология вещи в культуре Волгограда: среда, объекты, практики», выполняемого на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Актуальность этого предметного поля связана, в частности, с такой важной позицией, обнаружившейся в ходе исследования по проекту, как практически полное отсутствие в традиционном и современном социально-гуманитарном знании в целом и в urban studies в частности более или менее устойчивой концептуально-терминологической опоры для уверенного и непротиворечивого использования в рабочем лексиконе исследования ключевого понятия «город-жертва». А именно эта идентичность современного Волгограда, как нам видится, не позволяет городу претендовать на статус «города-культуры», о чем сетуют как сами волгоградцы, так и приезжие.

В современных urban studies существует множество способов классифицировать города по самым разным критериям, значимым для исследователей конкретных социально-антропологических наук (социологии, демографии, экономики, политологии). Так по численности населения выделяют города малые, средние, большие, крупные и сверхкрупные (города-миллионники, агломерации). Города с населением 50-100 тысяч человек называют средними городами, города с населением свыше 100 тысяч человек традиционно относятся к большим, а с населением менее 50 тысяч человек – к небольшим или малым.

Также основанием для классификации городов выступают определенные обязанности, которые города выполняют в народнохозяйственном разделении труда, специализация и особые функции в национальной экономике. Функционально можно выделить

такие типы городов: а) индустриальные центры; б) транспортные центры (порты, крупные железнодорожные узлы); в) научные города (или городки); г) курортные города; д) административные центры; е) города, связанные с обслуживанием сельскохозяйственного производства. В каждой из этих категорий можно выделить монофункциональные города и полифункциональные со сложно-составными накладывающимися или взаимодополнительными функциями.

Монофункциональные города – чаще всего с небольшой численностью населения, которое занято только одним делом, ярким примером этой группы могут быть узкоспециализированные промышленные центры с одним ключевым видом промышленного производства или ресурсные города, делом которых является добыча тех или иных ископаемых. Большое количество их создано в годы индустриализации. Часто это города-поселения, или малые города, численностью до 100 тысяч человек. К таким же монофункциональным городам можно отнести и так называемые «сельские города», имеющие сельское происхождение, аграрную сущность экономической сферы, сельскую идентичность горожан (своего рода оксюморон). Это города, которые, развивая городские функции, сохраняют, поддерживают и транслируют сельские особенности, свойственные таким городам в далеком или недалеком прошлом. В них наблюдаются сельские черты в характере застройки, в планировке, в образе жизни и мышления горожан.

В зависимости от функциональных особенностей города формируется соответствующая социальная и демографическая среда. Среди монофункциональных городов встречаются города с преимущественно мужским либо женским населением, или, если использовать социологическую терминологию, города с несбалансированным демографическим составом населения (классический пример «Иваново – город невест»).

По времени возникновения выделяют сложившиеся традиционные и новые городские поселения. И если в традиционных со сложившимися идентичностью, историей и культурой городах более или менее сбалансированы социальные, демографические, кластерные соотношения и связи, то в новых городах часто встречаются серьезные диспропорции, перекосы в социальном, демографическом, экономическом развитии. Они чаще всего формируются в районах нового промышленного освоения. Так, например, после формирования в Западной Сибири нефтегазового комплекса в тайге и тундре было построено 25 городов. Но главная опасность и непредсказуемость будущего таких городов – это риск стать городами-призраками после исчерпанности их основного ресурса и разделить судьбу американского Детройта, британского Манчестера, многих шахтерских городов в России, Украине, Казахстане и других странах.

Таким образом, в качестве главных детерминант города в основании научных классификаций и типологий городских поселений находятся в основном такие признаки, как величина городской территории, численность населения и функциональный народнохозяйственный профиль. Полагаем, что в современных науках о городах такого ограниченного перечня критериев типологизации городов явно недостаточно. В последнее время накоплен весьма обширный корпус научных метафор или вненаучных эпитетов (и зачастую очень емких и метких) для определения специфической культурной сущности отдельных мест, территорий, городов, не связанной с хозяйственно-экономической сферой в принципе, для фиксации особенностей исторической судьбы этих поселений, их миссии и роли в истории, уникальной мистической ауры. Особенно это касается городов непромышленных или городов сложной полифункциональной территориальной сущности. Так часто города, исчерпавшие свой ресурсный и промышленный потенциал, из которых уехали жители, потерявшие возможность быть трудоустроенными, называют заброшенными или «мертвыми городами», «городами-призраками». Для того, чтобы возродить, вернуть к жизни такие города, Чарльзом Лэндри [7] и его последователями была изобретена стратегия культурной (или креативной) экономики городов. В последнее время все чаще используется такой типологический статус некоторых городов, как «город культуры», все еще не устоявшийся и до конца не определенный в качестве отчетливой общеупотребительной понятийно-терминологической единицы в *urban-studies*. Эта неопределенность и путаница связаны с тем, что на такой статус претендуют как традиционные города с богатым культурным наследием, традиционным статусом «города-музея», которые принято именовать «культурными столицами» или «вторыми столицами» национальных государств мира, так и города, названные выше «мертвыми» и «заброшенными» по причине исчерпанности промышленно-экономического эффекта и оправдания их существования, которые сейчас создают новый ресурс – необычные фестивали, арт-объекты, объекты и площадки промышленного и экологического туризма, – используя сферу культуры для привлечения инвестиций, в надежде на возрождение своей территории, и таким искусственным способом обретают статус «городов культуры».

Как нам думается, еще одно новое, пока еще существующее только в качестве терминологической метафоры в типологии городов, фиксирующее трагический *genius loci* отдельных поселений – понятие «город-жертва» (хотя в рекламном профессиональном слэнге сферы туризма и организации досуга в форме путешествий – это давнее устойчивое клише). И это не только пока еще не сформировавшееся в научно-теоретической терминологической сетке социально-гуманитарных наук понятие, поскольку статус «город-жертва» не используется в качестве

продуктивного термина в научном тезаурусе современных социально-антропологических наук в целом и urban studies в частности для осмысления локальной специфики тех или иных мест и городов в России и мире. «Город-жертва» – это еще и фигура умолчания в ментальном поле людей, табуированная формула определения городской идентичности, которая практически никогда не артикулируется в обыденном языке жителей российских городов-жертв и туристов, посещающих эти города. Ни в глубинных интервью, ни на фокус-группах, проведенных в ходе исследования респонденты не использовали в отношении локальной городской идентичности Волгограда понятие «город-жертва». Хотя в сравнении с другими поволжскими городами Юга России – Саратовом, Астраханью, Самарой – респондентами в ряду причин, по которым Волгоград не может в полной мере претендовать на статус города культуры, отмечалось то историческое обстоятельство, что выше названные города в отличие от Волгограда (Сталинграда) не претерпели разрушений, бомбежек и реального присутствия на их земле фашистов в Великую Отечественную войну.

Валерий Савчук, цитируя и комментируя А.Ф. Лосева, пишет: «в философии не принято говорить о жертве, несмотря на то, что вся человеческая и животная жизнь есть сплошная жертва, вольная или невольная, и, несмотря на то, что единственный способ осмыслить бесконечные человеческие страдания – это понять их жертвенный смысл». Эти слова А. Ф. Лосева, написанные им в 1941 г., актуальны и по сей день». «Сущность жертвы, пишет В.В. Савчук, – в предельной искренности, в святости, в абсолютной достоверности трансцендентной реальности для жертвы и участников ритуального жертвоприношения, в ее значимости в качестве самого эффективного способа как стабилизации и сохранения существующего порядка и устройства жизни, так и в плане ее преобразования» [11].

Сущностное значение в архаической и современной сущности жертвы и жертвоприношения анализируют философы из Самары Е.А. Иваненко, М.А. Корецкая, Е.В. Савенкова. Их идеи и констатации многое объясняют в отношении городов-жертв и могут быть экстраполированы для исследования локальной городской идентичности этих мест. Авторы отмечают, что «архаическая жертва жалкой не является. Вписанная в другую логику (логику дара), она осмысленна, правильна, в некотором роде добровольна, священна. И мощный социальный аффект, который она вызывает, по-своему весьма жизнеутверждающ, или, как минимум, катарсичен» [4, 20]. В архаическом обществе в определенном смысле жертва – «важнейшая часть миропорядка, условие его стабильности, полностью включенное в ткань мироздания. Потому в данном случае было бы некорректно говорить о жертве, как о чем-то обособленном, скорее, перед нами некая совокупность ролей и практик, образующих корпус, или

тело, жертвоприношения. Внутреннее единство, корпоральность, достигается здесь не механически, но за счет коллективного переживания аффектов. Архаическое тело жертвоприношения стабильно по своему устройству, его составные части неизменны: это жрец; жертва (причем, жрец и жертва часто сливаются или меняются местами); жертвенник, как четко определенный топос; священный адресат; свидетели (тело народа) вместе с испытываемым по поводу жертвоприношения аффектом» [4, 24].

В отношении городов-жертв эта социальная структура жертвы вполне просматривается, в их истории после жертвоприношения и в современности обнаруживается, что «тело жертвоприношения не факт, а акт культуры, пропущенный через огромное количество фильтров и оформленный различными системами кодов» [4, 26], и артикулирующийся в самых разных культурных паттернах – в языке (в местных вернакулярах и урбанонимах, например, в названиях улиц, площадей, аллей и других городских пространств), в ритуальных практиках, в коллективной памяти места, в закреплении символических маркеров, означающих это место великой жертвы (например, монумент «Родина-мать зовет!» Е.В. Вучетича на Мамаевом кургане в Волгограде, ставший даже не просто символом города и страшной гекатомбы Сталинградской битвы, за 8 месяцев которой по современным подсчетам с обеих сторон погибло приблизительно 2,5 миллиона человек, а символом России в целом. Конкуренцию с этим символом не выдерживают другие новые образы и объекты городской среды, предлагаемые волгоградскими художниками, дизайнерами, специалистами в сфере PR при попытках ребрендинга территории. Так произошло в 2017 году, когда в качестве мирного символа Волгограда Оксаной Бабижаевой, инициатором проекта «Имидж Волгограда» была предложена скульптура «Мир» Веры Мухиной, венчающая собой купол Планетария, с которого начинается первая в городе отстроенная после Сталинградской битвы улица – улица Мира. Идея вызвала довольно агрессивную критику со стороны как городской общественности, так и экспертов – волгоградских философов и культурологов).

Е.А. Иваненко, М.А. Корецкая, Е.В. Савенкова говорят и об амбивалентности сакрального применительно к акту жертвоприношения. «Сакральное соединяет в себе святость и скверну, благую и вредоносную силу, одинаково выходящую за границы профанного мира. Эта амбивалентность часто оказывается присуща жертве, но при этом позитивно-священный статус жертвы всегда доминирует» [7, 30]. «В логике архаического жертвоприношения жизнь (особенно человеческая) – это, конечно, ценность, но именно поэтому ее нужно вернуть. Жизнь как бы взята взаймы у богов (духов, рода), она не принадлежит полностью тому, кто ее проживает» [7, 30].

И если адресат жертвы и в архаическом ее формате, и в основанном на христианской ценностной модели современном гуманистическом

проекте понятны. В первом случае – это боги, во втором «легитимирующий потенциал жертвы (в силу ее сакрального характера) использовался для поддержки Идеи. Революция *должна быть* кровавой, за Родину *следует* умирать» [7, 34]. «Когда речь идет об осмысленности жертвы, имеется в виду, что смысл – это то, что позволяет обществу примириться с фактом утраты (фактом причиненных смертей), воспринимать их как оправданные хотя бы в каком-то отношении. Классическая модернистская формулировка «их смерть не была напрасной» работала даже при довольно сомнительных обстоятельствах, пока речь шла о жертвах войны. Ужасающие по масштабам потери под Сталинградом, связанные, прежде всего, с ошибками и некомпетентностью руководства, все равно в целом оправдываются тем, что люди гибли за Родину, выполняя свой долг» [7, 35]. То отдельным часто открытым вопросом в отношении статуса города-жертвы остается вопрос о том, кто приносит такое жертвоприношение и ради какой сакральной причины? «Еще один аспект, не укладывающийся в логику современной оценки жалкой жертвы, связан с тем, что возможность небывалого по масштабу, «царского» жертвоприношения воспринималась как свидетельство величия приносящего жертву. Это как правило было связано либо с величием рода (например гекатомба), либо с персональным величием правителя». В отношении Волгограда (Сталинграда) уместно отметить не укладывающееся в современную логику незримое и зримое присутствие в городской культуре личности и образа великого жертвователя, *genius loci* Волгограда – Сталина. На первый взгляд бессмысленность более двухмиллионной человеческой жертвы Сталинградской гекатомбы становится вполне осмысленной в этой архаической парадигме – город, носящий имя «великого организатора обороны Сталинграда», стоило принести в жертву не только во имя перелома в войне с фашизмом, но во имя сакрализованной личности.

Е.А. Иваненко, М.А. Корецкая, Е.В. Савенкова объясняют и механизмы оформления акта жертвоприношения в материально-вещественных формах: «Жертвам положено возводить мемориалы, чтобы социальная память была страховкой от повторения того же. При этом действует правило: чем значительнее символическая активность, тем большую смысловую лакуну она закрывает. Более того, мемориальный способ захоронения окончательно извлекает жертву из семейно-родового контекста и приписывает всем смертям, а значит и жизням, единый смысл» [7, 38].

В определенном смысле употребление понятия «жертва» по отношению не к экзистенции отдельного человека или группы, сообщества, общности, а к городу – как пространству, месту, как к социуму, коллективному субъекту социального, исторического, культурного бытия этого места – оправданно. То есть назвать конкретный

город «городом-жертвой» вполне корректно, когда речь идет о констатации трагической жертвенной судьбы конкретного города, которую, если быть фаталистами в таких размышлениях, вряд ли можно отменить, отворотить или изменить по чьей-то воле или прихоти. Как мученики – самые почитаемые из всех святых в коллективном сознании и культурных практиках людей, так и города-мученики имеют свое особое значение в истории культуры.

В науках о культуре, в *urban studies* такие характеристики городов пока еще не концептуализированы, и, возможно, не могут быть освоенными на уровне рационального знания, но в художественной литературе наблюдается устойчивый интерес к такому предметному полю. В этом контексте представляет интерес повесть-притча «Кто против нас?», посвященная мистической истории Сталинградской битвы, написанная в 2003 году А.А. Новиковым-Ланским. Ее суть и замысел хорошо передает краткий рекламный слоган, сопровождавший выход книги в свет: «Детективная повесть-притча о сакральной истории Сталинградской битвы, о власти над миром и судьбе России. О любви и жертвоприношении». Здесь понятие жертвы в отношении конкретного места и события употреблено не просто в коммерческих целях, которые собственно и преследует реклама в своей сути и целях, а, как нам думается, в самом высоком и глубинном метафизическом смысле, который ощущается и ухватывается на всех уровнях коллективного сознания и бессознательного носителями российской культуры, хранителями ее истории и свидетелями ее великих жертв. В повести, действие которой происходит в современном Волгограде, Андрей Новиков-Ланской тонко и сложно проводит сравнение конкретного точечного исторического события – Сталинградской битвы – с идеями, символами и ключевыми аксиологическими парадигмами христианства. Мамаев Курган в Волгограде – высота 102, за которую советскими воинами велись самые кровопролитные бои в борьбе с гитлеровской армией с июля 1942 по февраль 1943 года, – в повести автором сравнивается с одним из самых ярких и пронзительных символов христианской мистики – с Чашей Грааля – сосудом с жертвенной кровью Христа.

Таковыми же городами-жертвами оказались многие поселения, оказавшиеся по разным причинам в эпицентре кровавых событий Второй мировой войны, претерпевшие величайшие несправедливые потери, и сохранившие эти незарубцевавшиеся шрамы в душе и на теле города, продолжающие кровоточить и по сей день. Это и японские Хиросима и Нагасаки, это и французский Орадур-сюр-Глан, это и Сталинград (Волгоград).

Особенно важным в феномене городов-жертв нам видится фактор случайности, иррациональности самой жертвы, либо просто

бессмысленности гибели огромного числа людей в выше названных городах.

Так, например, многие историки, анализирующие место в цепи событий 6 и 9 августа 1945 года феномена Хиросимы и Нагасаки, убеждены, что «атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки *не несла определяющей военно-стратегической важности* (здесь и далее курсив наш – Н.Б. Шипулина), а скорее была лишь средством политического влияния, своеобразной демонстрацией «нового инструмента ведения международной политики, с которым приходится считаться», поэтому никакой военной целесообразности в ней не было» [12]. Вступление в войну СССР, а договоренность об этом была достигнута несколькими месяцами ранее, итак привело бы к полной капитуляции Японии. Целью этого бесчеловечного акта было испытание американцами атомной бомбы в реальных условиях и демонстрация военной мощи для СССР. Был намечен целый список из японских городов, отобранных для испытаний ядерной бомбы, но по неясным причинам жертвами оказались именно эти два города. Во время своего второго заседания в Лос-Аламосе (10-11 мая 1945 года) Комитет по выбору целей рекомендовал в качестве объектов для применения атомного оружия Киото (крупнейший индустриальный центр), Хиросиму (центр армейских складов, военный порт и место расположения генерального штаба военно-морского флота и Второй армии), Иокогаму (центр военной промышленности), Кокуру (крупнейший военный арсенал) и Ниигату (военный порт и центр машиностроения). Комитет отверг идею применения этого оружия против исключительно военной цели, поскольку был шанс промахнуться мимо небольшой площади, не окружённой обширной городской зоной. Большое значение при выборе цели атомной бомбардировки придавалось именно морально-психологическим факторам: 1) достижению максимального психологического эффекта против Японии, 2) первое применение оружия должно быть достаточно значительным для международного признания его важности. Комитет по испытаниям указал, что в пользу выбора Киото говорило то, что его население имело более высокий уровень образования и, таким образом, лучше было способно оценить значение оружия (Поэтому военный министр США Генри Стимсон вычеркнул Киото из списка вследствие большого культурного значения города), но Хиросима имела такой размер и расположение, что, с учётом фокусирующего эффекта от окружающих её холмов, сила взрыва могла быть увеличена.

Когда речь идет о «кровавой бойне» 1944 года во французском городке Орадур-сюр-Глан, также упоминается случайность, ошибка, а не продуманная военная целесообразность или стратегия. Несмотря на оккупацию Франции войсками нацистской Германии, ничто не предвещало беды в небольшом городке Орадур-сюр-Глан, приютившемся близ заповедника Перигор-Лимузен в 2,5 часах от Бордо. Жители городка,

удаленного от первой линии боестолкновений, вели мирный образ жизни, рыбачили на реке Глан, собирались вечерами в парках и кафе, чтобы обсудить последние новости. Они и не подозревали, что в скором времени падут невольными жертвами кровавой бойни. Из 700 человек удалось выжить менее 30. Ночью 10 июня, спустя несколько дней после высадки солдат СС у берегов Нормандии, отряд из 150 бойцов нарушил покой сонного Орадур-сюр-Глан. *По невыясненным до сих пор причинам* нацистские войска ворвались в мирный городок, сровняли его с землей и уничтожили всех жителей, в том числе женщин и детей. Существуют различные теории произошедшего. Одна из возможных причин – слухи о том, что в деревне удерживался похищенный офицер армии СС Гельмут Кампфе, перевозивший пакет секретных документов. По другой версии, нацистские солдаты просто спутали французские названия и изначально направлялись в Орадур-сюр-Вайрес (где якобы был пленен еще один офицер вермахта). До сих пор неизвестно, почему германские солдаты решили пойти на столь страшное и жестокое преступление. Расправа над мирными жителями Орадур-сюр-Глан – одна из самых ужасных трагедий в истории Франции за все годы Второй мировой войны. С тех пор это пустой и безжизненный город-призрак без настоящего и будущего.

Так же *не было прямой военной необходимости* для таких великих жертв и в случае Сталинградской битвы. Герой мистической детективной повести «Кто против нас?» Андрея Новикова-Ланского, задавшийся целью тщательно изучить события Сталинградского сражения, «чем больше находил сведений, деталей, гипотез о битве, тем меньше понимал, что же в действительности происходило тогда в Сталинграде». Его как писателя «заинтриговал один вопрос, который показался ему непраздным: а в чём, собственно, была причина и смысл этой битвы? Зачем вдруг Гитлер отвел войска от Москвы и направил их на юг, к Каспийскому морю? Причём это были лучшие войска, бравшие до этого Париж и Варшаву. У историков он, конечно, находил самые логичные объяснения, всё чётко укладывалось в стратегический военный план немцев, в их стремление выйти к запасам нефти. Но что-то мешало Гедройцу полностью с этим согласиться, как будто нечто важное было упущено в объяснениях учёных. Постепенно он приходил к убеждению, что не было никакого стратегического повода гибнуть миллионам солдат в ожесточеннейшей схватке за этот довольно далекий участок боевых действий, в тысячах километров от Кремля. И почему русские войска столь самоотверженно, как что-то самое дорогое, защищали Сталинград? Однако же советское командование бросило все силы на осуществление оборонительной операции. Нет, что-то скрывается за всем этим. Что-то очень важное тянуло Гитлера туда. С чего он взял, что Москва – голова, а Сталинград – сердце России? Гедройц посмотрел на карту, на сердцевидную форму Волгоградской области. Ему становилось ясно: Гитлер не собирался переходить через Волгу. Даже просто

переправить войска через эту реку практически невозможно. Кроме того, немцы строили множество явно оборонительных сооружений, очевидно, готовясь всеми силами удерживать захваченный город, а не идти дальше к какой-то там нефти.

Исследуя обстоятельства битвы, Гедройц узнавал некоторые таинственные детали, которые почему-то замалчивались. Почему немецким войскам был отдан приказ ни в коем случае не бомбить Мамаев курган, не разрушать его, а только сбрасывать противопехотные дротики? Почему вместе с войсками к кургану двигались мощнейшие экскаваторы, группы археологов, охраняемые элитными спецчастями СС?» [9, 14].

И когда наши поиски рациональных объяснений человеческих жертв, не оправданных военными, политическими, идеологическими целями, заходят в тупик, то, как нам думается, оказываются вполне релевантными мистические архаические модели понимания исторической миссии, особой идентичности, смысла существования «городов-жертв».

Так, например, одна из версий кровопролития в городе-мученике Орадур-сюр-Глан связана с этимологией его названия. Согласно этой мистической версии событий, самой судьбой была predeterminedена гибель всего населения маленького городка и Орадур-сюр-Глану было суждено стать местом погребения, т.к. «орадур» в переводе с латинского означает «жертвенник, алтарь, место молитв за усопших, похороненных рядом с жилым селением».

В мистическом детективе «Кто против нас?» А.А. Нивикова-Ланского также приводится сакральное объяснение жертв Сталинградской битвы, постигаемое главным героем. «Гедройц знал: Гитлер был мистик. И Сталин был мистик. А Мамаев курган, этот участок кровопролитнейших сражений, – место священное, очень древнее, там тюркские и арийские жреческие захоронения за много веков. Гедройц раскопал удивительный факт: курган представляет собой правильную пирамиду высотой более ста метров. Он невольно вспомнил, что древнее название Волги – река Ра, а ведь это имя египетского божества.

Потом Гедройц узнал, что неподалёку небезызвестный Батый выстроил когда-то столицу своего государства. Любопытно, что этот обуреваемый мессианским чувством монгольский хан не решился пересечь Волгу и обосновался напротив кургана, на другом берегу. По некоторым сведениям, здесь была столица и другого вождя, знаменитого Аттилы, сокрушавшего Рим.

И Гитлер, и Сталин крайне охочи были до древних магических знаний и практик, это всем теперь известно. Гедройц чувствовал, что Гитлеру, судя по всему, нужно было раздобыть что-то сакральное в катакомбах Царицына-Сталинграда. А Сталин, как видно, тоже был посвящен в тайны этой земли и не мог позволить себе потерять это что-то. После конференции в Тегеране, после посещения раскопок Вавилона

Сталин, необъяснимо рискуя, едет поездом через Сталинград, где, по воспоминаниям, произносит одну лишь фразу: просит показать ему курган.

Некоторые факты просто потрясли воображение Гедройца. Например, когда он узнал, что в самые тяжкие дни обороны Сталинграда несколько почитаемых православных старцев привезли в город не что иное, как чудотворную икону Казанской Божьей Матери, одну из главных русских святынь, и молились о спасении. И через три дня ударили жесточайшие морозы, резко изменившие военную ситуацию в пользу советских войск. Все эти новые факты накладывались на то, что Гедройц подспудно помнил ещё со школьных времен. Он вдруг осознал, что речь ведь идёт о том самом сражении, которое решило исход мировой войны, а, следовательно, определило судьбу всего человечества» [9, 24].

Концептуально-терминологически близкими, почти синонимичными «городам-жертвам» являются так называемые «города-мученики» и «наказанные города». Впервые (и беспрецедентно) понятие «наказанные города» использовал В.Л. Глазычев в своей открытой лекции «Культура в городе – город в культуре», прочитанной в Тольяттинском государственном университете 16 октября 2003 года, когда он поделился с аудиторией своими мыслями о состоянии городской среды в России, о тех изменениях, которые, вероятно, ждут нас в ближайшем будущем. Вот контекст, в котором известный российский урбанист и градостроитель говорил о «наказанных городах»: «Еще совсем недавно Барселона была только музейным городом, куда ехали смотреть на здания Антонио Гауди и его современников. Милая, симпатичная, но всего-навсего одна из туристических аттракций. Более того, Барселона была *городом наказанным* (в Советском Союзе тоже были наказанные города: маленькая Елабуга была наказана за интенсивную помощь армии Колчака – и в ней ничего не строилось; Одесса была наказана за «коллорабационизм» во время оккупации, и в ней до 1956 года не было ни построено, ни всерьез отремонтировано ни одного здания)» [2]. В другой своей публикации «Остров Татарстан» В.Л. Глазычев подробно развивает свою оценку Елабуги как наказанного советского города: «До революции это был цветущий городок Вятской губернии – уцелело несколько белокаменных плит, которыми хлеботорговец Стахеев вымостил здешние тротуары. Гимназия же столь велика, что во время войны она вместила солидную часть эвакуированной Академии Наук СССР. За массовую поддержку Белых в Гражданской войне большевики город невзлюбили. И ничего тут не строили. Зато городок и уцелел – старый русский городок с легким татарским акцентом. В конце 70-х годов союзный Госплан решил поставить у Елабуги автозавод. Уже была дирекция, я сумел убедить ее включить в смету строительства средства на реставрацию города... Ясное дело, город к этому отношения не имел» [3].

Судьбы «наказанных городов» в СССР сложились по-разному, но существенным сходством нам видится определенная темпоральная консервативность, которая выразилась в том, что в них (и в Елабуге, и в Одессе), как и в городах-жертвах (и в Орадур-сюр-Глан, и в Хиросиме, и в Сталинграде), не просто «остановилось время», а, как муха в янтаре, застыла конкретная эпоха (ее стиль, образ жизни, ритм, визуальная среда, вещи, мода, пространственные элементы), на которую пришлось историческое событие катастрофы, породившей этот самый статус городов-жертв. Так в ходе интервьюирования респонденты (особенно приезжие) в ответах на вопросы о городской специфике и локальной идентичности Волгограда в интервью и на фокус-группах довольно часто отмечают, что «это типично советский город», конкретизируя и иллюстрируя свое суждение тем, что, в отличие от многих других городов Юга России, в Волгограде (Сталинграде) ансамблево сохранилась (и была восстановлена после разрушений) архитектура в неоклассическом стиле, этот самый «сталинский ампир» (или, как ернически шутят искусствоведы и экскурсоводы, «сталинский вампир»), который определил стилистическое единство 1950-х годов в нашей стране; сохраняется некоторая имперская помпезность, пафосность не только во всей пространственной среде города, но и в решениях и деятельности региональной власти, в поведении горожан, в городской уличной моде; ретроградность и консерватизм в ситуациях, требующих перемен, трансформаций, новых решений, например, ребрэндинга территории.

Значимым является вопрос о том, как возможно рационально измерить, осмыслить и изменить (для определенных современных культурных, экономических, социальных целей) этико-антропологическое содержание в идентичности городов-жертв (городов-свидетелей, городов-кладбищ, городов-мемориалов, городов-памятников)? Жертвенный статус города мы можем измерить, исходя из исторических сведений, статистики человеческих жертв в военных катастрофах, геноцидах и др., а также основываясь на вещественно-антропологических элементах городского пространства, вещах, материальных носителях коллективной памяти страданий и скорби, в которых, как во флэш-накопителях коммеморации смерти, воплощена эта самая жертва – в семейных архивах и реликвариях, музейных коллекциях, в монументальных скульптурных сооружениях, руинах, бытующих в городской пространственной среде в статусе памятника [13].

Каковы же, кроме перечисленных выше, основные признаки, характеризующие этико-антропологический статус города-жертвы? Полагаем, что вполне правомерно выделить следующие: 1) Реальные достоверные исторические факты гибели огромного числа людей, в особенности мирных жителей; 2) Процент материально-вещественных потерь и разрушений пространственной среды города; 3) Обилие военно-

мемориальных памятников в материально-вещественной среде города, выступающих свидетельствами жертвы и напоминанием о ней; 4) Эстетика ветхости и запустения, руинированных объектов – скульптуры, зданий и архитектурных комплексов; заброшенных пространств; 5) Спокойное отношение горожан к утрате и разрушению, демонтажу материальных объектов городской пространственной среды. Бытование вещей в пространстве города в режиме отсутствия. Волгоград – город текучей идентичности. Это верно с одной стороны в отношении постоянных процессов притока/оттока жителей, что подтверждают проведенные фокус-группы и глубинные интервью с волгоградцами (иногородние не озвучивают такой факт и тенденцию, поскольку, чтобы ее заметить, нужно жить в Волгограде достаточно долго), которые называют Волгоград «городом без коренного населения», используя метафору Вавилон, подразумевая не только мешанину народов и вероисповеданий (на территории Волгоградской области в настоящее время проживают представители более 120 народов и этнических групп и официально зарегистрировано 110 религиозных организаций помимо традиционных мировых религий). С другой стороны этот режим отсутствия заметен и в отношении материально-вещественной среды Волгограда, в которой, появившись и просуществовав непродолжительное время, многие интересные и значимые объекты и комплексы исчезают в никуда (15 магазинов и кафе, бронзовое панно А.Криволапова на фасаде Волгоградской Академии МВД, бывшей Высшей следственной школы, автоматов газированной воды советского образца), будучи разрушенными, снесенными, демонтированными; 6) Большой процент в городской микротопонимике урбанонимов, связанных с военными событиями, героями, погибшими в сражениях или катастрофах; 7) Обилие «черных копателей» – самодеятельных археологов, для которых «копони́на» – это и дело чести – занятие, подпитанное патриотическими мотивами, и в то же время коммерческий проект, прибыльный, хотя и нелегальный, противозаконный; «Торговец стал более откровенен. Оказалось, что товар (*черную икру – примечание автора*) ему поставляют браконьеры. Полушепотом он предложил познакомить Гедройца с ними, раз есть такой интерес к войне, ибо помимо рыбы некоторые браконьеры занимаются раскопками, ищут на полях сражений кресты и разное оружие, от ножей до пушек, реставрируют и продают. Гедройц понял, что ему оказана большая честь» [9, 21]; 8) Обилие в ассортименте антикварных лавок и блошиных рынков Волгограда трофейных предметов – оружия, элементов обмундирования, бытовых армейских вещей; достаточная распространенность хранения таких объектов в семейных вещественных архивах – реликвариях волгоградцев, семьи которых пережили Сталинградскую битву, не выезжая в эвакуацию; 9) Брутальность самих горожан, иногда чрезмерная патриотическая патетика (в даже бытовых

высказываниях), граничащая с радикальными националистическими идеями и настроениями; 9) Стремление породниться с другими городами сходной жертвенной судьбы (движение городов-побратимов началось с подписания Первого соглашения о дружбе и сотрудничестве между городами стран-союзников по Антигитлеровской коалиции еще в 1942 году между советским Сталинградом и британским Ковентри – городами, практически полностью разрушенными войной); 10) Ностальгическая идентичность горожан, но как тоска не по всякому прошлому, поскольку пассаизм как стремление романтизировать и идеализировать прошлое, тотальный традиционализм – это общая характеристика российского образа мышления и поведения. Это скорее тоска по конкретной ушедшей идеологической и культурной парадигме, по тому формату культуры и общества, который существовал именно в то время, в тот момент истории, когда город был призван стать жертвой; 11) Ритуальность скорби, консерватизм, выхватывающий и цементирующий в современной жизни горожан только те элементы (объекты, феномены, процессы), которые явным или неявным образом выступают свидетелями, напоминанием, аллюзией на трагическое событие жертвоприношения города в угоду историческому, социальному, культурному достижению коллективных усилий страны, имеющему статус желаемого идеального будущего. В данном случае – сначала победы над фашизмом, потом прорыва в науке, технике, подвигом в мирном труде СССР.

Литература

1. Trubina Elena. The Reconstructed City as Rhetorical Space: The Case of Volgograd // Remembering, Forgetting and City Builders. Edited by Tovi Fenster Tel Aviv University, Israel and Haim Yacobi Ben Gurion University. Israel. Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. – 2010.
2. Глазычев В. Л. Культура в городе – город в культуре. Стенограмма публичной лекции. ТГУ. 16.10.2003 // [Интернет-ресурс]. Режим доступа: file:///C:/Users/User/AppData/Local/Temp/cultur_cit.htm. Дата обращения – 14 сентября 2017 г.
3. Глазычев В.Л. Остров Татарстан // [Интернет-ресурс]. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/publications/articles/2007-01-26_ostrov_Tatarstan.htm. Дата обращения – 24 октября 2017 г.
4. Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В. Архаическое и современное тело жертвоприношения: трансформация аффектов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2012. – № 2 (12). С. 17-41.
5. Иванов Святослав. Философия Родины и жертвы // Интернет-ресурс. Независимый общественно-политический журнал «Славянская душа».

- Режим доступа: <http://slavdusha.ru/kultura/431-filosofiya-rodiny-i-zhertvy>.
Дата обращения – 18.10.2017.
6. Кассирер Э. Жертва // Философия символических форм. В 3-х тт. Т. 2. М.; СПб., 2002, с. 230-242.
 7. Лэндри Ч. Креативный город. – Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. – 399 с.
 8. Марсель Мосс. Социальные функции священного / Избранные произведения. Перевод с франц. под общей редакцией Утехина И. В. Науч. ред. Утехин И. В. и Геренко Н. М. Сост. Трофимов В. Ю. – СПб.: «Евразия». – 2000, – 448 с.
 9. Новиков-Ланской А.А. Кто против нас?: Повесть-притча. – М.: Э.РА, 2003.
 10. Розенфельд Э.В. Жертвоприношение как феномен культуры традиционного общества. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 - религиоведение, философская антропология, философия культуры. Ростов-на-Дону, 2005.
 11. Савчук В.В. Жертва // Интернет-ресурс. Сайт «Web-кафедра философской антропологии «Anthropology». Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/zhertva>. Дата обращения – 22.09.2017.
 12. Хиросима и Нагасаки: жертвы Ада на Земле // [Интернет-ресурс]. Liveinternet. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post368786444/>. Дата обращения – 22 ноября 2017.
 13. Шипулина Н.Б., Щеглова Л.В., Шипицин А.И., Плужникова Н.Н., Елистратова Е.А. Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода / Монография. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы», 2016. – 166 с.
 14. Яшина Галина. Шоу-патриотизм на руинах Сталинграда // Интернет-ресурс. Федеральное Интернет-издание «Капитал страны». Режим доступа: http://kapital-rus.ru/articles/article/shou-patriotizm_na_ruinah_stalingrada/. Дата обращения – 12.11.2017.